

Мялся. Трудно было это рассказать, а хотѣлось непременно и все. И пока половой прибиралъ столъ и готовилъ новую порцію, Сенька рассказывалъ:

— ...вотъ вхожу я въ вагонъ. Темно. Вынулъ я ножъ, говорю: кто строилъ вагонъ?—Мы строили вагонъ.—Кого въ вагонъ возить?—Насъ.—Кого насъ?—Рабочихъ.—А гдѣ свѣтъ?—Нѣту свѣту.—Почему нѣту?.. И сталъ я окна бить. Тутъ публика безусловно бросилась изъ вагона. Вхожу въ другой вагонъ. Свѣтло. Говорю: почему тутъ свѣтъ, а тамъ нѣтъ свѣта? Почему тамъ нѣтъ свѣта? Давай свѣта! И сталъ я окна бить. Тутъ безусловно публика опять бросилась изъ вагона. Перебилъ я всѣ окна. Окровенился. Входитъ кондукторъ.—Ты,—говорить,—окна билъ?—Я,—говорю,—окна билъ. Кондукторъ заперъ дверь. Я было къ другой, а тамъ опять кондукторъ. Тутъ я трахнулъ раму, да—Господи благослови—головой внизъ, прямо въ сугробъ. Закопался въ сугробъ, лежу, ничего, только голову больно, ну, думаю, теперь не миновать въ клоповку...

Половой принесъ порцію.

Сенька схватился за новую чашку.

То ли еще было, всего не расскажешь. И, глядя на спутника, ухмыльнулся.

— Конечно, отъ бездѣйствія больше, отъ скуки главное. Вы меня извините, это когда я въ хулиганахъ состоялъ. Вотъ тоже разъ идемъ мы изъ столовой. Работы не было. Идемъ тихо-мирно. А навстрѣчу намъ околочный Жуковъ. Поровнялся Жуковъ и говоритъ: чего вы, сукины дѣти, бѣжите?—Какъ,—говорю,—бѣжимъ, мы идемъ тихо-мирно.—Обыскать,—говорить,—ихъ, мерзавцевъ. Ну, обыскали. Я и говорю: братцы,—обидно мнѣ стало,—изведу я этого Жукова, за что онъ въ самомъ дѣлѣ? А они говорятъ: дуракъ ты дуракъ, что такое Жуковъ?—такъ, дерьмо на лопатѣ. Ты,—говорятъ,—кого ужъ почище, а то Жуковъ?! Отговорили. Купилъ я полбутылки ка-

зенки. Пошелъ къ знакомому фельдшеру.—Дай.—говорю,—фельдшеръ, мнѣ ядовъ разныхъ, да по-жесче. Дать онъ мнѣ встряхниину. Знаете, ядъ есть такой крѣпкій. Взялъ я встряхниинъ, накаталъ въ бутылку. Развелъ бѣлаго сургуча, затѣпилъ пробку. Потомъ взялъ копѣйку, приложилъ копѣйку къ пробкѣ, вотъ и орелъ вышелъ. Забралъ я эту самую бутылку, идемъ съ товарищемъ по базару, оремъ пѣсни, ругаемся. Влетѣ патруль.—Братцы.—говорю,—казаки, сдѣлайте Божескую милость, отхлещите моего товарища поздоровѣе, никакого съ нимъ сладу нѣтъ, забижаетъ. Повскакали казаки съ сѣделъ, да ну меня хлестать. А товарища и сѣдлъ простылъ, удралъ. Лупили меня, лупили, обыскивать стали. Ухватили бутылку.—Давай.—говорятъ.—водку! Уперся, не даю.—Ежели бѣ,—говорю,—вы его отдѣляли, тогда бы я вамъ отдалъ, а то чего же я такъ понапрасну. Ну, бутылку отняли. Сѣли въ сѣдла. Выбили пробку. Стали пить. А я завернулъ за уголь, да и смотрю. Выпилъ одинъ,—ничего. Выпилъ другой,—ничего. Выпилъ третій,—ничего. А какъ четвертый началъ пить первый съ сѣдла,—кувыркъ!—и свалился. а потомъ и второй, а потомъ и третій... Тутъ пошелъ я домой, умылся. На утро гляжу, четыре мундира на заводу приволокли хулиганы...

Сенька мялъ свои свѣжимъ шведскія перчатки, оживлялся.

„Царьградъ“ оживлялся. Набиралась публика съ черными ртами, горланила пустымъ пропойнымъ горломъ, и другіе приходили безъ улыбокъ, а въ глазахъ точились ножички, и третьи приходили, ошаривали глазами.

Тамъ за окнами по небу бѣлыя звѣзды восходили.

Конца никто не зналъ.

— Конечно, отъ бездѣйствія больше, отъ скуки главное...—мѣрно стучалъ Сенькинъ голосъ.

Александръ Ремизовъ.